

ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

В. К. ЛУКАШЕВИЧ

КОГНИТИВНЫЙ СТАТУС НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Эксплицированы эпистемологические и социально-прагматические основания особого когнитивного статуса научного знания в современном познавательном освоении реальности. Акцентировано значение уникальности рационального базиса науки, который обеспечивает сбалансированность мировоззренческих оснований научного познания и его праксеологических ориентаций.

Ключевые слова: совокупный познавательный процесс; научное познание; эпистемология науки; рациональный базис науки; социально-прагматические основания научного знания.

УДК 001:1+165

В работе ставится цель — выявить основания квалификации научного знания как феномена духовной жизни, обладающего в современном социуме особым, наиболее высоким когнитивным статусом вследствие универсальной способности служить эффективным информационным средством решения текущих проблем и перспективной ориентации в построении модели будущего мироустройства.

Познавательное освоение реальности — один из каналов взаимодействия человека с окружающей действительностью наряду с практическим, нравственно-этическим, эстетическим, религиозным, мистическим, игровым и др. Тем не менее каждый из них включает в свое содержание познавательные процессы. Они, как и специфически познавательная активность людей, направлены на получение сведений об окружающей человека и общество природной реальности, самом человеке и его социальной среде, лежат в основе мировоззренческих представлений и праксеологических ориентаций, т. е. выполняют достаточно отчетливо выраженную социально-культурную функцию, а также обеспечивают успешную практическую деятельность конкретного человеческого сообщества в его важнейших сферах: материальном производстве, управлении, военном деле, социальной коммуникации, здравоохранении, образовании, т. е. выполняют еще одну фундаментальную функцию — социально-прагматическую.

Владимир Константинович ЛУКАШЕВИЧ, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник ГНУ «Институт философии Национальной академии наук Беларуси» (г. Минск, Беларусь).

Для осмысления этого факта (наличия познавательной компоненты во всех видах и проявлениях человеческой деятельности) Т. И. Касавиным предложено понятие «совокупный познавательный процесс» (СПП), который представлен как «многообразие форм и типов знания, отнесенных к многообразию человеческих практик и познаваемых реальностей...» [1, с. 236]. «Понятие СПП, — поясняет он, — позволяет рассматривать каждый отдельный познавательный акт и его результат как элемент некоторого единства, связанный с другими элементами и рассматриваемый в синхронном и диахронном аспекте. В этом понятии сливаются все времена и пространства знания воедино, здесь нет постоянных иерархий и критериев истины или прогресса, хотя идет бесконечный процесс возникновения новых теорий и метатеорий, сменяющих друг друга. Каждая часть этой целостности обладает своей собственной рациональностью, формами обоснования и правом делить успех или поражение с другими» [1, с. 236–237].

Соответственно исследование процессов и аутентичных форм внеучного интеллектуального (познавательного) освоения реальности — необходимое звено в анализе специфики и креативной динамики научного знания по меньшей мере как их интеллектуального фона. Во-первых, внеучное интеллектуальное освоение реальности, предшествуя научному, накопило определенную совокупность ментальных приемов и процедур манипулирования хотя и ничтожно малым знанием, но по негласному соглашению его носителей достаточным для осмысления окружающей реальности в крупных масштабах. Известно, что широта этих масштабов зависела от степени сложности практического уклада жизнедеятельности социума, с чем были непосредственно связаны конкретные практикоразмерные представления об отношениях и свойствах вовлеченных в жизнедеятельность социума объектов (процессов, явлений). Такого рода представления дополнялись космологическими (во всяком случае более общими) картинами реальности, по мнению носителей внеучного знания с абсолютной необходимостью связанными с первыми. Характер и механизмы этой связи — предмет перманентных исследований в культурологии, истории культуры, этнографии, этнолингвистике, когнитологии и других дисциплинах, так или иначе включающих исследование ментальных процессов.

Во-вторых, анализа процессов и аутентичных форм когнитивной креативности в сфере внеучного интеллектуального освоения реальности требует поражающая современника живучесть отмеченных процессов и форм, их продолжительный и масштабный резонанс в общественном сознании в виде прямого воспроизведения древних систем внеучного знания и их хитроумных модернизаций на основе имитации последующих (более поздних) форм научного интеллектуального освоения реальности.

В-третьих, следует отметить «практический» интерес к внеучному знанию у определенной части социума: политики, финансисты, бизнесмены, представители художественной интеллигенции периодически обращаются к носителям внеучного знания (экстрасенсам, колдунам, ясновидящим, прорицателям и т. п.) за пояснениями и советами относительно предстоящих профессиональных действий, не удовлетворяясь в этом плане научно обоснованными сценариями.

Наконец, в русле динамики социальных оценок различных составляющих совокупного познавательного процесса в настоящее время наблюдается тревожная тенденция к принижению роли и перспектив научного знания и науки в жизнедеятельности современного человеческого сообщества (своего рода неоантисциентизм). Ее причинами служат недостаточность научных знаний для системного объяснения процессов формирования существующей природной реальности, в том числе человека; способов создания уникальных артефактов, недостаточно ассимилированных современной наукой; правдоподобной с ее позиции интерпретации определенных исторических событий и др.

Разумеется, актуальность заявленной темы и ее анализ обусловлены не только некоторым «понижением» авторитета науки в современном социуме, поскольку нельзя игнорировать эффективность безудержной экспансии современной науки как инструмента реализации сценариев, альтернативных традиционному положению дел практически во всех сферах жизнедеятельности человеческого сообщества. Соответственно возникают вопросы: чем мотивировано обращение к науке в такого рода ситуациях? на чем основана надежда, что применение научных знаний в природопользовании и охране природы, в сфере материального производства и экономики в целом, в оборонной сфере, в регулировании социальных процессов, в культурном развитии даст ожидаемые позитивные результаты? Ведь примеров расточительного использования интеллектуальных и материальных ресурсов в русле реализации научно обоснованных решений и проектов немало. Известный проект поворота северных рек на сибирской территории современной России в течение XX ст. предлагался в четырех редакциях, но к счастью не был реализован. Очень высокими остаются риски побочных негативных явлений в области генной инженерии с целью применения ее результатов в селекции высокопродуктивных видов растений и пород животных, для лечения их заболеваний и др. Но несмотря на аргументированные предупреждения теологов, моралистов, философов и других ученых, процесс повышения наукоемкости различных сфер человеческой жизнедеятельности нарастает, т. е. нарастают объем и значимость одного из видов знаний, производимых человеческим сообществом. В чем причина?

На наш взгляд, это происходит в силу явного или неявного принятия современным социумом точки зрения, согласно которой научное знание обладает особым познавательным статусом, во-первых, вследствие использования специфических механизмов, обеспечивающих получение наиболее достоверных сведений о реальности (детали такого рода механизмов чаще всего не интересны широкой массе населения). Во-вторых, ввиду всеми наблюдаемого эффективного использования научных знаний в ситуациях практической деятельности, где налицо явная недостаточность по-своему уместных и приемлемых сведений, полученных в русле повседневно-практического, мистического, религиозного, эстетического, этического познавательного освоения реальности. Однако такого рода ситуации не гарантируют устойчивости отмеченного статуса. В сфере общественного сознания периодически наблюдаются явления амбивалентности в оценках научного знания. Более того, во второй половине XX в. мы стали свидетелями как яростных атак на науку и ценность научного знания, так и применения мягких социогуманитарных технологий воздействия на общественное сознание в его восприятии науки и научного знания, а также трудностей и противоречий, возникающих в профессиональном философском сообществе в связи с осмыслением когнитивного статуса научного знания (П. Фейерабенд, Б. Барнс, К. Д. Кнор-Цетина, М. Малкей, Б. Латур, М. Соломон, Х. Лонжино и др.).

Сциентистски ориентированным эпистемологам необходимо было приложить определенные усилия (по времени этот процесс растянулся на несколько десятилетий), чтобы доказать, что эпистемологические схемы генерирования научного знания существенно отличаются от функционально аналогичных схем религиозного, этического, эстетического, повседневно-обыденного и практического познавательного освоения реальности. Было показано, для того чтобы научное знание обладало свойствами, по которым его отличают от вненаучного знания (универсальностью, логической, концептуальной и эмпирической обоснованностью, четко выраженной системностью, успешным выполнением объяснительной и предсказательной функций, способностью транслироваться по обезличенным информационным каналам и др.),

процесс его получения должен регулироваться большой совокупностью хорошо эксплицированных принципов, идеалов и норм. В их числе открытое множество фундаментальных эпистемологических принципов (соотнесенности, рефлексивности, когнитивной креативности взаимодействия, целерациональности, объекторациональности (законсообразности), конструктивности, воспроизводимости результатов по обезличенным информационным каналам, когнитивной транзитивности, взаимодополнительности когнитивной и конструктивной методологий, когнитивной селекции-холизации, креативного взаимодействия предметного, нормативного и рефлексивного знания) и др. [2—5]; идеалы и нормы научного исследования, формирующие исторически выделенные типы научной рациональности: классическую, неклассическую, постнеклассическую [6—8]; философские основания науки, включающие исторически эволюционирующие категориально-понятийной матрицы как инструмент когнитивной ассимиляции (фрагментации и синтеза) исследуемой реальности коррелятивно способу ее системной организации [2; 6—8]. Ни в одном из типов вненаучного познания не разработан детализированный механизм селекции направлений и способов приращения достоверного знания.

Что же касается второго социально-прагматического обоснования особого когнитивного статуса научного знания, то возникающие в этом плане сомнения очень часто связаны со скандально-сенсационными ситуациями использования вненаучного знания в тех сферах, где научное знание, хотя и обрело устойчивую репутацию эффективного средства, но представителям определенных социальных групп и малосведущим людям показалось в его современном качестве не столь продуктивным, как ожидалось. Это, например, сравнительно недавние прецеденты «тайской» хирургии, попытки повышения коэффициента полезного действия микроэнергетических установок до 100 %, передачи социально значимой информации «бесконтактными» способами на большие расстояния (свыше тысячи километров), объяснения природных катастроф с использованием сценариев этико-религиозного содержания и др. Тем не менее по-прежнему доминируют ситуации ожидания от науки результатов, эффективно применимых в сфере производства, обороны, социальной коммуникации, здравоохранения и др. Ключевое значение здесь, как и прежде, придается результатам фундаментальных исследований, относительно независимо от того, по какой схеме («линейной» или «запросной») организован дальнейший процесс практического использования научных знаний. Существенное проблемное значение в нем имеют события в самой фундаментальной науке.

В соответствии с общепринятой типологией фундаментальных исследований выделяют два их типа. Первый некоторые исследователи называют «фундаментальные исследования первого типа». Это разработки, направленные на приращение предметного знания, фиксируемого в форме наиболее общих представлений о познаваемой реальности и управляющих ею законах. Это поиск ответов на вопросы: как возникла и устроена исследуемая реальность? что дальше за пределами познанного? Критериями отнесения научных разработок к фундаментальным исследованиям первого типа являются:

- пересмотр основных положений данной дисциплины;
- пересмотр ее общепринятых методологических установок;
- исследования вблизи предельных значений числовых параметров изучаемой реальности;
- исследования в пограничных областях;
- отсутствие прямо выраженной ориентации на непосредственное практическое использование результатов.

Второй тип фундаментальных исследований — это научные разработки, в которых ставится цель найти по определенным параметрам прикладное решение крупной научно-технической или социально-экономической проблемы или обеспечить теоретическое обоснование ее решения. Таковы, например, фундаментальные исследования, ориентированные на решение проблемы термоядерного синтеза и в целом энергообеспечение социума за счет новых технологий, создание ЭВМ новых поколений, новых систем искусственного интеллекта, оригинальных систем обеспечения экобезопасности человеческого общества, новых моделей его социально-экономического развития и др. Вскоре после принятия представления о наличии двух типов фундаментальных исследований второй из них получил устойчивое название «ориентированные фундаментальные исследования» (ОФИ).

В соответствии с общей тенденцией праксеологизации науки, время от времени принимающей в современной обществу гротескные формы, на первом плане в русле анализируемого вопроса должны быть ориентированные фундаментальные исследования. По поводу специфики и перспектив прикладного практикоориентированного использования их результатов накоплено огромная литература. В ней, как правило, отражены предметные (дисциплинарные, междисциплинарные — последние в меньшей степени) аспекты названного процесса, технико-технологические условия его реализации и возможные социально-прагматические результаты.

Существенно важными обстоятельствами, усложняющими процессы праксеологизации современной фундаментальной науки, являются, во-первых, феномен «коллективного автора» и, во-вторых, прецеденты «опровержений — переоткрытий». Комментируя статью американского автора, исследующего проблемы познания физики микромира П. Галисона «Коллективный автор», В. В. Пронских следующим образом отмечает их своеобразие в настоящее время: «Коллективы экспериментаторов стали вынужденно объединяться в коллаборации — пространственно разделенные по различным городам и странам, объединенные общими задачами и соглашениями о сотрудничестве коллективы, которые по разным причинам непрерывно пополняют новые и покидают прежние члены. Поскольку публикации об открытиях стали осуществляться от имени этих коллабораций, то Галисон правомерно задается вопросами: что означает вообще, что коллаборация знает нечто? Учитывая внутреннюю разделенность на сообщества и фрагментацию сообществ и культур, специализацию и переменный состав коллабораций, кто именно и что знает в том случае, когда коллаборация публикует утверждение об открытой частице? Ведь те члены коллаборации, которые знают детали той или иной техники, мало представляют ситуацию в целом, а те, которые контролируют целостность, не владеют деталями. С тех пор как Галисон опубликовал свою статью, проблема только обострилась. С одной стороны, списки авторов статей стали нередко превышать пять тысяч человек. С другой — участились случаи, когда большим коллаборациям приходится то коллективно свидетельствовать об открытиях, то опровергать свои прежние заявления (например, о сверхсветовых нейтрино в 2012 г. или втором тяжелом бозоне Хигса в 2016 г.), то переоткрывать что-либо ранее опровергнутое (пентакварк в 2015 г.) [9, с. 3—4].

Будущее человеческого сообщества и среды его обитания представляется в массовом сознании все более тревожным и печальным. «Луч света» в этой мрачной атмосфере — ноосферная концепция эволюции человечества. Ее последовательная разработка предполагает изучение необходимых (во всяком случае ожидаемых и возможных) изменений естественной и искусственно созданной среды обитания социума, а также способа взаимодействия с ними человека. Каков потенциал осмысления этих процессов в способах внеучного

познания? Не впечатляющий, даже при заслуженно уважительном отношении к тому, что предлагается в русле религиозного и этического познания.

В научном контексте исследования отмеченной проблематики перспективным выглядит подход, основанный на понятии умвельта. Умвельт (биол. — окружение, окружающий мир) — это мир восприятия и действия, к которому адаптирован всякий биологический вид и который определяет способ его поведения в этом мире. Мир, окружающий человека, включает три умвельта: 1) естественный природный умвельт; 2) техномир, порождаемый современной технаукой; 3) виртуальный мир («мир наших грез»), вырастающий из техномира, который «обретает субъективность, гибридизируясь с сетью искусственного интеллекта, начинает самореплицироваться, самообучаться, интеллектуализироваться» [10, с. 10]. Данный подход обеспечивает возможность детального предметного анализа событий во всех трех умвельтах и выявления их трендов. В сфере вненаучного познания такого рода анализ ограничен уровнем наиболее общих принципов мироздания и практического действия.

Отмеченную возможность обеспечивает особый эпистемологический статус научного знания и прежде всего уникальность рационального базиса науки как основы деятельности по его производству [11]. Он включает разноуровневые интеллектуальные образования предметного, нормативного и рефлексивного характера, которые объединяют, с одной стороны, обоснованные мировоззренческие представления и ценностные ориентации наиболее высокого уровня, с другой — достаточно четкие операциональные схемы действий в конкретных познавательных ситуациях. Познавательные компоненты повседневного, практического, религиозного, нравственно-этического, эстетического и других способов освоения человеком окружающей реальности не могут быть отмечены такого рода сбалансированностью. Развитая составляющая мировоззренческого уровня в их рациональном базисе далеко не всегда исчерпывающим образом сопряжена с праксеологическими руководствами (как примеры, религиозное, нравственно-этическое, эстетическое сознание и действие)*. Ориентации в практической деятельности здесь вырабатываются путем субъективного выбора (между добром и злом, моральным и аморальным, эстетичным и неэстетичным, прекрасным и безобразным и т. д.). В сфере науки такого рода связи являются достаточно определенными и жесткими. Выход за пределы их корреляций в последнее время чаще всего на основе квазинаучного знания, мимикрирующего под научные представления, ведет к обвинениям в потере научности и исключению акторов сознательного действия по практическому приложению квазинаучного знания из научного сообщества. В науке свободный выбор также имеет место, но осуществляется более четко (локально в обозначенном диапазоне проблемных ситуаций, исследовательских методов, сфер интерпретаций результатов и др.).

Периодически набирающие силу призывы к более интенсивному использованию в научном познании и его практических приложениях того, что наработано в сфере вненаучного познания, основаны преимущественно на известных исторических фактах влияния искусства на формирование экспериментально-математического естествознания Нового времени [12], а также довольно многочисленных высказываниях выдающихся ученых о пользе такого рода действий. Но это, как правило, происходит на уровне философских оснований науки в русле становления новой категориально-понятийной матрицы как инструмента фрагментации и синтеза исследуемой реальности, а также связанного с этим процесса формирования новой общенаучной картины мира и др. Вряд ли отмеченные влияния, обеспечивающие целостность совокупного познавательного процесса и

*Это предмет отдельных исследований в русле проблемного поля работ, посвященных анализу феномена рационального и критериев рациональности.

предостерегающие науку от превращения в замкнутую самодостаточную сферу социальной активности, можно квалифицировать как равноценные в сравнении с тем, что заложено в принципах, идеалах и нормах научного познания — постоянно развивающихся изобретениях интеллектуалов, создавших новый, а именно научный способ познавательного освоения реальности.

Обобщая изложенное, следует (коррелятивно социокультурному, эпистемологическому и социопрагматическому аспектам динамики научного знания) акцентировать два главных основания особого когнитивного статуса научного знания. Первое — регламентированность процесса генерирования научного знания сложной системой нормативных предписаний. Это система «фильтров», не пропускающих в корпус научных знаний и предметное поле исследований сомнительных сведений, надуманных проблем и рационально необоснованных путей приращения знания, которыми в различной степени отмечены результаты вненаучного познания. Второе — способность научного знания обеспечивать наиболее эффективные (по ряду критериев) решения текущих проблем жизнедеятельности социума и достаточно детализированное прогнозное представление о будущем человеческого сообщества в русле природной эволюции в ее сопряженности с созданной человеком техносферой и особенностями его интеллектуального развития на современном этапе человеческой истории.

Наблюдаемая в настоящее время конкуренция между наукой и другими способами познавательного освоения реальности за лидерство, во-первых, в духовной сфере, во-вторых, в решении возникающих практических проблем и, в-третьих, в осмыслении перспектив человеческого сообщества с переменным успехом происходит лишь в первом направлении. По второму и третьему направлениям когнитивный потенциал научного знания превосходит все, чем располагают вненаучные способы.

Литература

1. *Касавин, И. Т.* Миграция. Креативность. Текст. Проблемы неклассической теории познания / И. Т. Касавин. — СПб. : РХГИ, 1998. — 408 с.
Kasavin, I. T. Migratsiya. Kreativnost'. Tekst. Problemy neklassicheskoy teorii poznaniya [Migration. Creativity. Text. Problems of non-classical theory of knowledge] / I. T. Kasavin. — SPb. : RKhGI, 1998. — 408 p.
2. *Луман, Н.* Эволюция науки / Н. Луман // Эпистемология и философия науки. — 2017. — Т. 51, № 1. — С. 215–233.
Luman, N. Evolyutsiya nauki [Evolution of science] / N. Luman // Epistemologiya i filosofiya nauki. — 2017. — T. 51, N 1. — P. 215–233.
3. *Овчинников, Н. Ф.* Методологические принципы в истории научной мысли / Н. Ф. Овчинников. — М. : ЭДИТОРИАЛ. УРСС, 1997. — 295 с.
Ovchinnikov, N. F. Metodologicheskie printsipy v istorii nauchnoy mysli [Methodological principles in the history of scientific thought] / N. F. Ovchinnikov. — M. : EDITORIAL. URSS, 1997. — 295 p.
4. Методологические принципы физики. История и современность. — М. : Наука, 1975. — 512 с.
5. *Лукашевич, В. К.* Принципы креативного взаимодействия предметного, нормативного и рефлексивного знания в современной науке / В. К. Лукашевич // Вестн. Беларус. дзярж. экан. ун-та. — 2013. — № 5. — С. 98–102.
Lukashevich, V. K. Printsipy kreativnogo vzaimodeystviya predmetnogo, normativnogo i refleksivnogo znaniya v sovremennoy nauke [Principles of creative interaction of the subject, normative and reflective knowledge in modern science] / V. K. Lukashevich // Vesn. Belarus. dzyarzh. ekan. un-ta. — 2013. — N 5. — P. 98–102.
6. *Степин, В. С.* Теоретическое знание: Структура, историческая эволюция / В. С. Степин. — М. : Прогресс-Традиция, 2000. — 743 с.

Stepin, V. S. Teoreticheskoe znanie: Struktura, istoricheskaya evolyutsiya [Theoretical knowledge: Structure, historical evolution] / V. S. Stepin. — M. : Progress-Traditsiya, 2000. — 743 p.

7. *Степин, В. С.* Идеалы и нормы научного исследования / В. С. Степин. — Минск : Изд-во БГУ, 1981. — 432 с.

Stepin, V. S. Idealy i normy nauchnogo issledovaniya [Ideals and norms of scientific research] / V. S. Stepin. — Minsk : Izd-vo BGU, 1981. — 432 p.

8. *Степин, В. С.* Автор — редакция. Анализ структуры и динамики науки в социокультурном контексте / В. С. Степин // *Вопр. философии.* — 2017. — № 12.

Stepin, V. S. Avtor — redaktsiya. Analiz struktury i dinamiki nauki v sotsiokul'turnom kontekste [Author — editorial office. Analysis of the structure and dynamics of science in social-cultural context] / V. S. Stepin // *Voпр. filosofii.* — 2017. — N 12.

9. *Пронских, В. С.* Коллаборация большой науки как вызов трансцендентальному субъекту / В. С. Пронских // *Вопр. философии.* — 2018. — № 5.

Pronskikh, V. S. Kollaboratsiya bol'shoy nauki kak vyzov transtsendental'nomu sub'ektu [Collaboration of big science as a challenge to the transcendental subject] / V. S. Pronskikh // *Voпр. filosofii.* — 2018. — № 5.

10. *Аршинов, В. И.* Концепция сети в оптике парадигмы синергетической сложности / В. И. Аршинов, В. Г. Буданов // *Вопр. философии.* — 2018. — № 3.

Arshinov, V. I. Kontseptsiya seti v optike paradigmy sinergeticheskoy slozhnosti [The concept of the network in the optics of the synergetic complexity paradigm] / V. I. Arshinov, V. G. Budanov // *Voпр. filosofii.* — 2018. — № 3.

11. *Лукашевич, В. К.* Рациональный базис науки: потенциал праксеологического выбора / В. К. Лукашевич // *Вестн. Беларус. дзярж. экан. ун-та.* — 2014. — № 1. — С. 99–106.

Lukashevich, V. K. Ratsional'nyy bazis nauki: potentsial prakseologicheskogo vybora [Rational basis of science: potential of praxeological choice] / V. K. Lukashevich // *Vesn. Belarus. dzyarzh. ekan. un-ta.* — 2014. — N 1. — P. 99–106.

12. *Гачев, Г. Д.* Книга удивлений, или Естествознание глазами гуманитария, или Образы в науке / Г. Д. Гачев. — М. : Педагогика, 1991. — 272 с.

Gachev, G. D. Kniga udivleniy, ili Estestvoznaniye glazami gumanitariya, ili Obrazy v nauke [The book of wonders, or Natural Science through the eyes of the humanities, or Images in science] / G. D. Gachev. — M. : Pedagogika, 1991. — 272 p.

VLADIMIR LUKASHEVICH

COGNITIVE STATUS OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE

Author affiliation. *Vladimir LUKASHEVICH, Institute of philosophy of the National academy of sciences of Belarus (Minsk, Belarus).*

Abstract. The article explicates the epistemological and socio-pragmatic grounds for a special cognitive status of scientific knowledge in the modern cognitive exploration of reality. The emphasis is made on the significance of uniqueness of the rational basis of science, which provides the balance of the worldview grounds of scientific knowledge and its praxeological orientations.

Keywords: cumulative cognitive process; scientific cognition; epistemology of science; rational basis of science; socio-pragmatic grounds of scientific knowledge.

UDC 001:1+165

*Статья поступила
в редакцию 25.04. 2019 г.*